

была не слишком трудна для понимания, типограф без колебаний отправлял ее в типографию, откуда она могла и не вернуться.

Притом копии лишены большей частью всяких указаний, откуда они произошли, тогда как люди, слушающие рукописи, часто указывают, где они видели оригинал, а иногда и описывают его. Рукописи, лучше отождествимые, не являются лучше реконструируемыми: одна полная копия или, лучше, многие независимые копии создают вокруг оригинала более широкие и надежные свидетельства, чем сличения, в особенности древние сличения, относительно которых мы не знаем, насколько они удались или даже насколько они могут считаться полными. Наоборот, различные сличения одного и того же экземпляра, а это случается часто, больше запутывают, чем проясняют.

Далее, Паскуали приводит несколько примеров изучения гуманистами кодексов с произведениями латинских авторов — Горация, Корнелия Непота, Евтропия, Тертуллиана, Плиния Младшего, Цицерона, Петрония и др.

При этом степень точности у гуманистов, сличавших рукописи, была разная, независимо от того, были они одни из первых на этом поприще или нет, точно так же как и у переписчиков, — небрежность и тех и других вызвала возмущение у самих гуманистов. Тем не менее Паскуали считает, что сличение, даже при всем его несовершенстве у гуманистов, было все же необходимо и приводило иногда к интересным результатам. Приходится принимать во внимание определенные, распространенные в эпоху Возрождения навыки в обращении с рукописями, обусловленные исторической обстановкой того времени, и не осуждать гуманистов с точки зрения современной текстологии.

Опыт показывает, говорит Паскуали, что чем больше разночтений будет замечено, тем большее число их ускользает от сличающего. Паскуали обращает также внимание на то, что современные нам филологи, когда сличают рукопись с печатным текстом, имеют обыкновение читать сначала печатную фразу, а потом уже рукописную, так как печатную читать легче. Это является источником бесконечных ошибок, так как, имея все время перед глазами печатный текст, они бессознательно подменяют им текст рукописный. Затем он приводит примеры, когда исследователи, работавшие над сличением рукописей уже в XX в., несмотря на проявленное ими внимание и терпение, все же допускали пропуски и ошибки.

«Сознательность никогда не повредит, — говорит Паскуали, — будет полезно, если мы сделаем как можно более точным понятие о ценности каждого отдельного сличения утерянных рукописей, которым мы должны пользоваться. Невозможно дать общие правила, но можно иметь в виду некоторые факторы, которые увеличивают или уменьшают достоверность».

Во всяком случае надлежит принять во внимание, что достоверность сличения в одинаковой степени изменчива как при гуманизме, так и в наши времена и никак не идет в ногу с их славой: крупные ученые были посредственными сличителями и наоборот (Паскуали доказывает это на примерах).

Ученые, можно сказать, до вчерашнего дня каждый раз, когда текст был записан с других рукописей, публиковали из своих кодексов лишь разночтения, которые, по их мнению, его улучшали. Это было естественно и законно: до Лахманна кодекс имел ценность исключительно из-за его хороших разночтений, тогда как ошибки не могли интересовать критика. Начиная с Лахманна и позднее положение совершенно меняется: ошибки, лакуны, интерполяции должны сообщаться целиком, так как объясняют филологу, какое место уготовано этой рукописи в родословном древе